

На золоте Берендеево стоит...

Берендеевское торфопредприятие — одно из старейших предприятий страны. Весной 1919 г. началось строительство предприятия, а в 1921 году работали 2 машинно-формовочные установки по добыче торфа. Постепенно, из года в год объём добычи увеличивался.

После Великой Отечественной войны началась полная реконструкция предприятия. В 1948 году предприятие полностью перешло на добычу фрезерного торфа. За годы реконструкции построен новый посёлок «Центральный».

В 1964 году построен торфобрикетный завод с производительностью 60 тысяч тонн брикетов в год. Организован цех по изготовлению нестандартного оборудования. В 1968 году предприятие полностью перешло на комплексную механизацию всех производственных процессов.

В последние годы предприятию неоднократно присуждались классные места в соревновании предприятий Министерства топливной промышленности. За высокие показатели в соревновании в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина коллектив предприятия занесён в Книгу почёта Ярославского обкома КПСС, облисполкома и облсовпрофа и награждён Дипломом Совета Министров СССР и ВЦСПС.

В минувшую пятницу берендеевцы отметили 50-летие своего предприятия. На торжественном заседании с докладом о развитии торфопредприятия за 50 лет выступил его директор А. М. Серогодский.

В этот день большой группе рабочих, инженерно-технических работников и служащих были вручены правительственные награды и премии.

...И нарекли тот посёлок Берендеевом. Да и как удачнее назвать полдесятка изб, затерявшихся среди замшелых, заросших корявой ольхой болот! Вот уж точно — Берендеево царство. Старики сказывали, не было жизни берендеевцам от водяных и леших, чуть отбился от дороги, попал в руки к болотным русалкам — и сгинул.

Смешно слушать эти рассказы, когда идёшь по нынешнему Берендееву чистыми асфальтированными тротуарами, мимо опрятных белых домиков в два этажа, а сверху, с высоты принаряженного клуба торфяников, на тебя осыпается звонкая музыка.

А мимо — папы и мамы спешат со своими детишками в детсадики и ясли, стайка парней в спортивных трико пробежала на стадион и в спортзал, в трёх школах посёлка заливаются голосистые звонки. А вон те двое, захватив надувной матрац, направляются к искусственному озеру...

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не сразу Берендеево строилось.

Жили десятилетиями берендеевцы, думали, на болоте живут. Оказалось, на золоте. Летом 1918 года прислала Советская власть в захолустное Берендеево группу изыскателей и геодезистов. Они-то и открыли здесь богатейшие залежи торфа. А торф для Советской России, стремившейся быстрее осуществить грандиозные ленинские планы строительства нового мира, был поистине золотым кладом.

Через полгода на чистинке, отвоёванной у болота, заложили два барака. Бородатые мужики в огромных бахилах потянули через зелёные трясины узкие просеки и каналы. Потом, как установился санный путь, на осушенные участки берендеевцы доставили локомобиль и машинно-формовочную установку. Доставили, как говорится, «Дубинушкой».

Так начинается биография Берендеевского торфопредприятия. В 1921 году осенью от станции отошли первые вагоны, груженные торфом. Они несли в города России спасительное тепло.

Маленькая картинка тех лет. На участке поля, «карте», где уже прошли корчѣвщики и откуда канавы уже стянули часть воды, роют карьеры. Зарываясь до семиметровой глубины в трясину, «ямщики» срезают лопатами чѣрные мокрые ломти торфа. Элеватор выносит их к формовочной машине. После неё женщины раскладывают торфяные куски на земле для сушки. Технология, что и говорить, немудрѣная.

Частые обвалы карьеров, большая осадка осушительных каналов, засасывание машин в трясину — так болото мстило людям, осмелившимся потревожить его тысячелетнюю праздность.

— Но мы были дерзкие молодые люди! — говорит Василий Матвеевич Уткин. — Не отступали.

Василий Матвеевич — самый старый торфяник, какого можно встретить в Берендеево. Шестьдесят лет ему дать можно, а семьдесят четыре — никак. Улыбка у него молодая, задорен огонѣк светлых глаз.

Прошу Василия Матвеевича вспомнить что-нибудь из биографии, свой самый трудный год. Впрочем, его и вспоминать нечего, он всегда в памяти. Болото тогда совсем осатанело, что ль, — не подпускало к своим сокровищам. Многие сплеховали, отступились. Больше тысячи сезонников, — а долгое время это была основная рабочая сила на торфопредприятии, — разъехались по домам, видя, что хорошего заработка нынче не жди. Но коренным берендеевцам, осевшим тут не на сезон, отступить было некуда.

Они давно уже забыли грань между днѣм и ночью. Единственным измерителем времени стало мужество. Работали по ночам, спустив в карьеры керосиновые фонари. Женщины заменили ушедших мужчин, подростки — женщин.

Торф, торф, торф! Десятки телеграфистов с утра до вечера отстукивают это короткое слово. Адрес телеграмм-молний привычный: Берендеево. Содержание тоже привычное: «Срочно грузите торф...»

Василий Павлович Потапов, теперешний главный инженер торфопредприятия, рассказывает:

— И вот — на улице морозище, проваливаясь по пояс в снег, женщины перетаскивают с места на место временные пути. С утра до утра, не зная передышки, грузят заждавшиеся вагоны. Время было такое: сразу после Отечественной войны...

Добавим, люди были такие.

Биография В. П. Потапова очень типична для нынешнего поколения торфяников. В конце двадцатых годов мальчишкой привѣз его из калужской деревеньки отец, облюбовавший Берендеево, наезжая сюда за заработком. Семья осела тут, молодой парень пристрастился к работе болотопроходцев. Пример их определил его будущую жизнь. Окончил он Московский торфяной техникум, стал работать. Уже вернувшись с войны, Потапов поступил заочно в институт. Потому что современный торфяник — это уже не бородач, с топором и лопатой вышедший на болото. Изучение грунтовых вод, анализ почв, знание всех современных машин — вот инструменты нынешнего торфяника.

Первыми на штурм топи выходят экскаваторщики и корчѣвщики. Они снимают растительность, корчуют пни, прокладывают каналы. Когда будут намечены участки разработки, «карты», по открывшемуся торфу пойдут тракторы с фрезерными барабанами. Взрыхлѣнную ими крошку другие машины сушат, собирают в валки. Потом на «карты» выходят мощные уборочные комбайны, чем-то напоминающие гигантских крабов. Своими «клешнями» они втягивают в бункера сухую торфяную крошку. Цикл замыкают машины, которые ссыпают торф в огромные штабеля.

Фрезерный способ добычи сделал революцию в торфяном производстве. Раз в десять увеличилась производительность труда. А главное, канули в прошлое представления об «адском труде» торфяников. Всѣ делают машины, а человеку остаѣтся только одно — управлять ими. Впрочем, это немало.

Борис Васильевич Савельев, машинист пневмокомбайна, как раз таков, каким и представляют себе завоевателя болот. Широкий в плечах, крепко скроен, балагур и работяга.

Вчерашний день торфодобычи знает не понаслышке. Мальчишкой носил брату в карьеры обеды, потом и сам тут работал.

Работа у торфяника сезонная. Зимой, кроме ремонта, дел немного. Зато летом, если стоит ведро, поворачивайся проворней. В августе Борису Васильевичу, что называется, досталось за двоих. Только отработал смену, прилёг отдохнуть, присылают за ним из конторы: — Сменщик твой заболел. Выручай, Борис!

Пошёл, не отдохнув, в ночную смену. А ночью работа известная — идёт комбайн весь в туче пыли, свет фар на двух метрах гаснет. Поворачиваешь и боишься в канаву съехать, угодить в караван или, чего доброго, на соседнюю машину налететь. Что и выручает, так это чутье. Руки, привыкшие, сами чувствуют, что к чему.

Так и работал несколько дней в две смены. Устал, конечно, страшно. Но радостно: участок не подвёл, план выполнен.

Болото теперь, разумеется, не то, что раньше. Да и называют его чаще всего полем. По нему идёшь, ноги не промочишь. В кабине комбайна не пыльно, хорошая вентиляция, светло. Но как бы ни были совершенны машины, человека, его ум и руки им не заменить.

За озером, на отшибе, зелёный взгорок высоко поднял над болотом белокаменное здание торфобрикетного завода. Предприятие ежегодно выпускает 60 тысяч тонн брикетированного торфа, то есть десятую часть всей добычи торфопредприятия. Это прекрасно оборудованный, высокомеханизированный завод. Все его участки обслуживает смена из 15 человек, включая лаборанта и мастера.

В комнате с большим стеклянным витражом, тихой и чистенькой, сидит аппаратчик. Перед ним — пульт управления. Лампочки горят спокойно — всё в порядке. Но вот раздался гудок, тревожно заморгала лампочка: стал элеватор. Аппаратчик А. И. Комаров вызывает по телефону мастера, и через минуту гудок умолкает.

Завод — своеобразный символ нынешнего дня берендеевского торфопромысла. И, оглядываясь на полувековой путь одного из старейших в стране торфопредприятий, низко кланяешься тем, кто заставил болото отступить — В. М. Уткину, Г. А. Абрамову, З. Д. Цейтлину, Герою Социалистического труда А. И. Акимову и всем, кто вырвал из трясины её сокровища. Золотой народ живёт и работает здесь. Правы были геологи: на золоте Берендеево стоит.